

Сергей Куделя

О сути причин конфликта в Донбассе: ответ Юрию Мациевскому*

Ответ Юрия Мациевского на мою записку для *ПОНАРС Евразия* оспаривает следующие четыре пункта: (1) объяснение времени мятежа; (2) объяснение пространственных вариаций мятежа; (3) объяснение источников страха среди местных жителей; и (4) использование терминов в моем анализе. Ниже я обращаюсь к каждому из этих пунктов.

О времени мятежа

Мациевский утверждает, что сепаратистская мобилизация в Донбассе началась только после аннексии Крыма. На самом деле, донбасский мятеж не возник в апреле из ниоткуда. Ему предшествовало несколько месяцев анти-майдановской мобилизации в Донецке и Луганске, которая началась уже в конце января 2014 г. Первые отряды самообороны в этих городах были организованы в ответ на распространение протестов Евромайдана в регионы и захват областных государственных администраций в Западной и Центральной Украине. После свержения Януковича отряды самообороны появились во многих небольших городах по всему Донбассу. Первый отряд самообороны в Славянске был организован в конце февраля, еще до прибытия в город группы Стрелкова.

Я, конечно, признаю роль ненасильственного и стремительного присоединения к России Крыма в снижении оценки местными активистами предполагаемых издержек попытки отделения Донбасса. Как я уже писал в своей статье, подготовленной для семинара им. Данилова в Университете Оттавы: «Вторжение России в Крым под предлогом защиты этнических русских меньшинств и его последующая аннексия в результате сомнительного референдума стала моделью для пророссийских активистов в других регионах. Это создало прецедент успешного и мирного отделения, которое может повториться и в других областях. Присоединение Крыма также продемонстрировало, что Россия готова развернуть свои войска для защиты этнического русского населения в Украине – позиция, которая, очевидно, убедила других сепаратистских лидеров в том, что они могут рассчитывать на поддержку Москвы. Учитывая, что российские чиновники и после аннексии Крыма продолжали утверждать, что новое правительство нарушает права русскоязычного населения в Украине, повторение крымского сценария

могло на тот момент представиться вероятным. Затраты, связанные с дальнейшим отделением, также могли показаться низкими, учитывая неспособность Украины противостоять аннексии Крыма»¹.

Тем не менее, аннексия Крыма не имела бы большого значения, не будь у жителей Донбасса изначально требований специального автономного или независимого статуса. Это приводит меня ко второму пункту.

Пространственные вариации восстания

Неспособность сепаратистского движения распространиться на весь юго-восток Украины является, на самом деле, основным доказательством того, что внешние переменные не были решающими в возникновении мятежа. Значительные вариации в поддержке повстанцев существовали и в самом Донбассе. Эти отличия невозможно объяснить, не принимая во внимание внутренних побудительных мотивов мятежа, связанных с особенностями региональной идентичности, особым политическим статусом региона и его утратой после победы Евромайдана, интенсивностью пророссийских (или даже просоветских) настроений, особенно сильных именно в этом регионе, но также являющихся переменной величиной на территории региона.

Как я демонстрирую в своей статье для Даниловского семинара, сепаратистскому движению не удалось прижиться в городах с более чем 80% украиноязычного населения, в то время как в большинстве городов во все еще удерживаемых повстанцами районах Донбасса по состоянию на конец 2014 года насчитывается лишь менее 20% украиноязычных жителей. Исторически сложившиеся убеждения и политическая ориентация жителей Донбасса имеют, таким образом, решающее значение в объяснении региональных отличий в успешности мятежа.

Об источниках страха

Нет никаких сомнений в том, что распространение вселяющих страх слухов в украинских и российских СМИ приумножило восприятие угрозы, исходящей от Евромайдана. Тем не менее, также важно признать, что экстремистские националистические группировки не были изобретением российской пропаганды или агентами российских спецслужб. По результатам одного из исследований, «Пра-

* Статья ранее публиковалась на сайте *ПОНАРС Евразия* (30 декабря 2014 г.).

¹ Kudelia S. The Donbas Insurgency: Origins, Organization and Dynamics of Violence // Danyliw Research Seminar on Contemporary Ukraine. 31 October 2014. <http://www.danyliwseminar.com/#!serhiy-kudelia/cfss>.

вый сектор» был ведущей силой в насильственных столкновениях и, безусловно, сыграл ключевую роль в захвате государственных зданий в регионах².

Согласно этому же исследованию крайне правая партия «Свобода» была самым активным участником протеста среди всех политических партий, как в Киеве, так и в регионах. Присутствие крайних правых на Евромайдане и применение ими насильственных методов сопротивления резко контрастирует с опытом ненасильственной Оранжевой революции, когда такие политические лидеры, как Олег Тягнибок (лидер «Свободы») и неонацистские группы, как, например, «Патриот Украины» не принимали участия в протестах.

Кроме того, для того, чтобы объяснить особенно интенсивную эмоциональную реакцию многих жителей Донбасса на наличие крайних правых групп на Евромайдане, необходимо более детально рассмотреть их предыдущие взгляды. Исследование мнений донетчан в 2004 г. показало, что из всех различных групп с наибольшей антипатией они относятся именно к националистам³. Таким образом, неудивительно, что и впоследствии героя националистов Степана Бандеру, чьи портреты занимали видное место во время акций протеста на Евромайдане, 79% жителей Донбасса рассматривали в негативных терминах. Интенсивность их отрицательного отношения была заметно сильнее, чем в других регионах юго-востока⁴. Без предшествующих негативных убеждений по отношению к крайне правым, свойственным Донбассу, освещение в СМИ действий националистических групп во время и после Евромайдана не вызвало бы такого мощного эмоционального отклика.

Об использованной терминологии

Мациевский также возражает против моего использования трех терминов (или характеристик) революции в Украине. Во-первых, он не согласен с мнением, что революция представляла собой «насильственную смену режима». Я не вижу особой проблемы в этой формулировке. Никто не оспорит применение насилия на протяжении всего Евромайдана как правительством, так и протестующими. На самом деле революция одержала верх 21 февраля именно потому, что протестующие были готовы применить силу в ответ на насильственные действия властей. Если бы участники протеста на Майдане полагались исключительно на ненасильственные методы сопротивления, революция была бы разгромлена.

² Справжнє обличчя Майдану: статистика протестів, яка змінила країну // Центр дослідження суспільства. 9 липня 2014 р. <http://www.cedos.org.ua/uk/releases/35>.

³ Львів-Донецьк: соціальні ідентичності в сучасній Україні // Україна Модерна. 2007. № 12(2). http://uamoderna.com/images/archiv/12_2/12_UM_12_2_Materialy.pdf.

⁴ Ностальгія за СРСР і ставлення до окремих постатей // Група Рейтинг. 5.5.2014. <http://ratinggroup.com.ua/products/politic/data/entry/14092/>.

Можно действительно усомниться, что победа Евромайдана привела к «смене режима». Однако, по крайней мере на уровне избирательного процесса в Украине произошел значительный демократический прогресс – последние выборы президента и парламента были повсеместно признаны свободными и справедливыми. Переход от супер-президентской Конституции к парламентско-президентской также является шагом вперед в демократическом развитии Украины. В этом смысле, я считаю, можно было бы утверждать, что революция способствовала появлению более демократического политического режима, но устойчивость этого сдвига остается неопределенной.

Во-вторых, Мациевский не согласен с мнением, что украинское государство претерпело фрагментацию во время революции. Тем не менее, также сложно оспорить тот факт, что распространение протестов в регионы привело к потере монополии государства на легитимное применение силы в различных городах Западной и Центральной Украины. Как я уже отмечал в блоге ПОНАРС в конце января: «Захваты государственных администраций в регионах изменили структуру верховной власти в Украине. В сущности, украинское правительство потеряло свою суверенную власть в большей части городов в так называемых ‘оранжевых’ областях, в которых Ющенко и Тимошенко получили большинство голосов на президентских выборах 2004 и 2010 гг. В то же время постоянное присутствие государства в сельских территориях (в районах и селах) этих областей фрагментировало украинское государство и установило зоны самоуправления и области неоднозначного или оспариваемого суверенитета»⁵. Используемый мной термин «фрагментация государства» отражает эмпирическую реальность успешного оспаривания суверенной власти в регионах Украины в январе-феврале 2014 г.

Наконец, Мациевский возражает против использования термина «захват власти» для характеристики занятия лидерами оппозиции высших государственных постов. Этот термин использован, чтобы передать процесс очень напряженной и противоречивой политической борьбы с использованием силовых средств, в результате которой произошла де-факто капитуляция действующего на тот момент президента. Если мы адекватно не оценим согласованные усилия оппозиционных элит свергнуть действующего президента вне регулярного избирательного процесса, мы не отдадим должную справедливость ходу украинской революции.

⁵ Kudelia S. Localized Revolution and the Fragmentation of Ukraine's State // PONARS Eurasia. 27.01.2014. <http://www.ponarseurasia.org/article/localized-revolution-and-fragmentation-ukraine%E2%80%99s-state>.